

Котович Алексей Никанорович

**Духовная цензура в России
1799-1855 гг.**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А47

А47 **Алексей Никанорович К.**
Духовная цензура в России 1799-1855 гг. / Котович Алексей Никанорович –
М.: Книга по Требованию, 2025. – 642 с.

ISBN 978-5-519-90759-0

ISBN 978-5-519-90759-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

О т ъ а в т о р а .

Весною 1903 г. автору настоящего труда впервые представилась осуществимою мысль заняться изученіемъ прошлаго духовной цензуры. Это былъ выводъ изъ цѣлаго ряда признаковъ того, что льдины тронулись. Дѣйствовавшая духовная цензура очутилась тогда у «Новаго пути», и не проявила обычной послѣдовательности, какъ-бы утратила связь со своими традиціями. Въ большемъ, чѣмъ ранѣе, количествѣ стали появляться не напечатанные еще матеріалы по исторіи русской цензуры,—даже по начальной исторіи цензуры духовной. Опубликованы были довольно объективныя характеристики церковныхъ дѣятелей николаевского времени. Погребенныя нѣкогда въ архивахъ за свои свободные взгляды докладныя записки церковныхъ ревнителей прежнихъ временъ находились теперь у членовъ св. синода: въ нихъ искали отвѣтовъ на очередныя темы.

Серьезный и живой интересъ къ воспроизведенію исторіи духовной цензуры авторъ встрѣтилъ почти вездѣ на мѣстахъ своей работы. Выраженіемъ его служили, между прочимъ, памятное содѣйствіе, предупредительность и довѣріе, о которыхъ авторъ считаетъ долгомъ засвидѣтельствовать здѣсь съ глубокою признательностью.

Лишь кое-гдѣ довелось натолкнуться еще на слѣды того порядка, при которомъ, выражаясь словами П. Строева, «доступъ къ иному хранилищу старины былъ многократно труднѣе и продолжительнѣе, нежели разборъ скрывающихся тамъ документовъ». Только изрѣдка приходилось чувствовать себя и подъ тѣмъ характернымъ взглядомъ, для котораго всякій, кто работаетъ въ цензурныхъ архивахъ, — или фельетонистъ, искатель «пикантныхъ анекдотовъ», или публицистъ, полный гнѣва и осужденія.

Однако, для того, чтобы получить собраніе анекдотовъ, вовсе нѣтъ нужды спускаться въ глубь исторіи. Прежде всего, иная современность въ состояніи дать такіе анекдоты, которые не по одной своей свѣжести превзойдутъ шедевры цензурныхъ архивовъ. А затѣмъ, всякое послѣдовательное изученіе историческихъ фактовъ само по себѣ имѣетъ свойство ни-

веллировать «удивляющій характеръ» отдѣльныхъ эпизодовъ. Поэтому въ частности, и при систематическомъ обзорѣни прошлаго духовной цензуры интересъ изслѣдователя весьма скоро сосредоточивается по преимуществу на установленіи взаимной связи явленій, той закономерности, которая обязывала сдѣлавшихъ одинъ шагъ по пути принудительной охраны мысли дѣлать слѣдующіе шаги,—до тѣхъ поръ, пока неожиданно для нихъ поднявшаяся волна назрѣвшей жизни не отбрасывала ихъ обратно.

Что же касается выступленія въ роли публициста-историка, то эту роль выполнили недавнія событія. Каждый вдумчивый свидѣтель послѣднихъ лѣтъ изъ своего опыта, а не изъ исторіи, могъ убѣдиться, что существуетъ «духъ времени», «неотвратимыя теченія», общественные подъемы и отливы, дни, которые считаются за годы, и т. п. Онъ знаетъ, какъ безсильна въ критическіе моменты цензурная охрана, какъ, въ частности, духовная цензура едва ли не первая оставляетъ безъ руководства приученныхъ къ ея опека чадъ. Онъ слышалъ, наконецъ, какъ по примѣру прежнихъ кризисовъ официальные коммисіи о печати низлагали самыя основы цензуры и выносили ей заслуженный приговоръ.

Въ извѣстномъ смыслѣ можно, поэтому, признать, что уже по завершеніи кризисомъ каждаго періода духовной цензуры изложеніе ея организаци, точекъ зрѣнія, вліянія на литературу и пр. приобретаетъ историческій, въ узкомъ смыслѣ слова, интересъ, и является обзорѣніемъ непрочныхъ дѣяній уже умершихъ учреждений.

Тѣмъ не менѣе, даже и въ такомъ случаѣ остается еще одна—уже, безспорно, не мертвая—цѣль... Если въ свое время въ цензурные архивы сдавались на храненіе, вмѣстѣ со всякаго рода литературнымъ мусоромъ, самыя оригинальныя рукописи и въ протоколы заносились мысли, не вмѣщавшіяся въ параграфы цензурнаго устава, то теперь возможно и цѣлесообразно изученіе при посредствѣ этихъ архивовъ и протоколовъ самыхъ нѣжныхъ движеній духа, наиболѣе чуткихъ предвѣдѣній, самыхъ искреннихъ порывовъ въ религіозной области. Собрать все невысказанное, недоговоренное по независѣвшимъ отъ авторовъ условіямъ, прослѣдить вліяніе гнета на гибель полныхъ жизни и силы талантовъ, засвидѣтельствовать объективный характеръ ихъ сѣтованій—не значить ли осуществить цѣль, имѣющую положительное историко-литературное значеніе?

Наконецъ, въ этомъ своемъ положительномъ моментѣ не можетъ ли изслѣдованіе о духовной цензурѣ послужить и «оправданіемъ добра», заложеннаго, но нераскрытаго въ «подзаконной» дѣятельности нашихъ отцовъ?

По своему психологическому состоянію каждый носитель назрѣвшихъ для своего времени взглядовъ, убѣжденный въ ихъ правотѣ, но не разившій—въ виду царившаго гнета—всего своего содержанія, испытываетъ въ той или другой степени трагедію Іова.

Горькое сознаніе того, что «дни мои прошли; думы мои—достояніе сердца моего—разбиты», порождаетъ послѣднее желаніе: «О если бы вѣрно взвѣшены были вопли мои, и вмѣстѣ съ ними положили на вѣсы страданіе мое! О если бы записаны были слова мои! Если бы начертаны они были въ книгѣ...» (Іов. XVII, 11; VI, 2; XIX, 23).

На архивныхъ кладбищахъ воскресаютъ писатели, и изъ-подъ цензурныхъ протоколовъ несутся къ намъ живые голоса невысказанныхъ убѣжденій. И посвящая эту книгу—книгу взвѣшенныхъ воплей и обсужденныхъ страданій—какъ первый даръ любви заживо похороненнымъ и ихъ разбитымъ думамъ, мы начинаемъ творить для нихъ и ихъ могильщиковъ судъ безпристрастной исторіи...

Предисловіе.

Исторіи русскаго цензурнаго надзора, удовлетворяющей требованіямъ науки, пока не существуетъ. Не говоря уже о деталяхъ, даже цѣлые отдѣлы его до сихъ поръ остаются-почти не разработанными. По крайней мѣрѣ изъ тѣхъ «двѣнадцати цензуръ, которыя насчиталъ въ свое время А. В. Никитенко ¹⁾», не изучена систематически ни одна. Такъ, еще не вышла изъ стадіи погоднаго—даже фельетоннаго—изложенія событій исторія внутренней гражданской цензуры; почти не затронута громадная область дѣятельности цензуры иностранной. Лишь отдѣльными событиями воспроизводится и сложная картина духовно-цензурнаго надзора надъ книгою.

Правда, говоря о послѣднемъ, слѣдуетъ признать, что нѣкоторымъ эпизодамъ здѣсь посчастливилось. Относящіеся къ нимъ официальные документы, сравнительно давно извлеченные изъ архивовъ и не разъ опубликованные на страницахъ журналовъ и монографій, успѣли вызвать комментаріи современниковъ и вообще получить всестороннюю оцѣнку. Трудно, напримѣръ, отмѣтить какія-либо новыя фактическія детали въ многократно воспроизведенномъ печатью инцидентѣ изъ эпохи мистицизма съ книгою «Бесѣда на гробѣ младенца». Обстоятельно изложено, затѣмъ, въ специальныхъ изслѣдованіяхъ (И. Чистовича, Н. Барсова) движеніе «весьма секретнаго» нѣкогда дѣла о противозаконномъ переводѣ ветхозавѣтныхъ книгъ прот. Павскаго. Достаточно очерчена также судьба катехизисовъ м. Филарета, академическихъ чтеній арх. Иннокентія (Борисова), Православнаго Собесѣдника въ Казани и нѣкоторыхъ другихъ изданій.

Вообще говоря, чѣмъ секретнѣе и экстраординарнѣе было «дѣло», тѣмъ настойчивѣе стремилась историко-критическая мысль узнать и повѣдать о немъ правду. Остается вѣдь фактомъ, что уже въ 1850 году, когда еще живы и сильны были не одни воспоминанія, но и грѣзные участники

¹⁾ Записки и дневникъ (1826—1877) А. В. Никитенко, т. I, (СПБ., 1893), стр. 518—19.

слѣдствія «о противозаконномъ переводѣ ветхозавѣтныхъ книгъ», этотъ инцидентъ обсуждался, хотя бы украдкою, съ академической кафедрой²⁾.

И, тѣмъ не менѣе, по силѣ освѣщенія отдѣльныхъ моментовъ изъ исторіи духовной цензуры вовсе нельзя судить о степени научнаго знанія о всемъ ея прошломъ. Эти, безспорно «историческіе и поворотные», эпизоды необходимо все-таки сравнить ни съ чѣмъ инымъ, какъ съ выдающимися наслоеніями пластовъ земной коры или съ башнями и верхними частями засыпанныхъ древнихъ стѣнъ. Эти части уже по своей выпуклости и близости къ поверхности скорѣе всего обнажаются отъ естественныхъ или искусственныхъ прикрытій и первыми являются на свѣтъ. Но, удовлетворяя первоначальному любопытству, ознакомленіе съ ними въ то же время нерѣдко и притупляетъ научное вниманіе, создавая легенды и иллюзію, что уже многое, по крайней мѣрѣ важное, изслѣдовано, что раскопки доведены до конца. Такъ, долго остаются не открытыми цѣлые ряды возникавшихъ одинъ надъ другимъ городовъ. Между тѣмъ, для того, чтобы получить возможно точное понятіе о дѣйствительной структурѣ, образованіи, размѣрахъ и значеніи изслѣдуемыхъ пластовъ, геологи и археологи, въ концѣ концовъ, должны спуститься глубже, внизъ, и, руководясь своими методами, обязаны въ то же время неуклонно итти туда, куда ведутъ ихъ иногда мелкія, на первый взглядъ, особенности и отклоненія въ строеніи объектовъ наблюденія.

Предлагаемая работа и представляетъ собою попытку выясненія и обработки тѣхъ залежей, которыя въ нетронutomъ почти видѣ находятся въ архивахъ учреждений, являвшихся въ свое время средоточіями духовно-цензурнаго надзора. Цѣль ея—воспроизвести на основаніи главнымъ образомъ этихъ архивныхъ данныхъ различныя перипетіи въ устройствѣ духовной цензуры за полувѣковый періодъ, выяснить и подчеркнуть измѣнявшіеся оттѣнки ея критеріевъ, указать личныя точки зрѣнія ея дѣятелей, наконецъ,—охарактеризовать роль и послѣдствія существованія духовно-цензурнаго надзора.

При этой работѣ наиболѣе данныхъ извлечено, конечно, изъ архива св. синода³⁾, гдѣ находится узелъ—«начало и конецъ»—громаднаго боль-

²⁾ Исторія казанской духовной академіи за первый (дореформенный) періодъ ея существованія (1842—1870) П. Знаменскаго, вып. II, (Казань 1892), стр. 110—111.

³⁾ Охваченные общимъ названіемъ „архивъ св. синода“ дѣла состоящихъ и состоявшихъ при синодѣ учреждений приводятся ниже по инициаламъ этихъ учреждений, именно: А. С. С.—дѣла канцеляріи святѣйшаго синода; К. О. П. С. С.—канцеляріи оберъ-прокурора св. синода; К. Д. У-

шинства фактовъ, создающихъ исторію духовной цензуры. Описи и предметные указатели этого архива служатъ достаточнымъ руководствомъ къ тому, чтобы не обойти вниманіемъ чего-либо непосредственно касающагося избраннаго предмета. Необходима лишь слѣдующая оговорка. Канцелярская регистрація, сброшюровывая дѣла и давая имъ названія, руководится своими, часто механическими представленіями о томъ, что относится и не относится къ «дѣлу». Оттого, безъ сомнѣнія, значительное количество цѣнныхъ для изслѣдователя цензуры данныхъ разсыяно въ дѣлахъ судебныхъ, сектантскихъ, о наслѣдованіи имущества, о сношеніяхъ съ заграницными священниками и т. д. Нѣкоторыя добытыя изъ такихъ дѣлъ свѣдѣнія введены въ настоящий трудъ. Но, безспорно, только доведенное до конца методическое «описаніе документовъ и дѣлъ св. синода» выяснитъ весь этотъ разсыянный, но однородный матеріалъ и дастъ основаніе увѣренности, что по данному вопросу все исчерпано. Къ сожалѣнію, еще около полусотни лѣтъ отдѣляютъ систематически описанную эпоху отъ очерченнаго въ настоящемъ изслѣдованіи періода.

Зато авторъ считаетъ себя вправѣ не дѣлать подобной оговорки по отношенію къ слѣдующимъ четыремъ архивамъ: московской духовной цензуры и, затѣмъ,—петербургскаго, московскаго и кіевскаго духовно-цензурныхъ комитетовъ. Лишь въ слабой степени упорядоченные, насколько это вызывалось домашними нуждами вѣдавшихъ ими учреждений, они требовали хотя бѣглаго взгляда на каждый листъ сгруппированныхъ въ нихъ дѣлъ, чтобы имѣть возможность отдѣлить шелуху отъ зерна. Такъ именно и были разсмотрѣны всѣ хранящіеся въ нихъ дѣла за годы: 1799-1828 по первому архиву; 1815-55 по второму; 1815-1855 по третьему, и 1824-1855 по скудному содержаніемъ четвертому. Комментаріи къ этимъ дѣламъ въ нужныхъ случаяхъ заимствовались изъ архивовъ академическихъ конференцій и особенно коммисіи духовныхъ училищъ и духовно-учебнаго управленія.

коммисіи духовныхъ училищъ; Р. Б. О.-россійскаго библейскаго общества: Дух.-учебн. управленія—духовно-учебнаго управленія. При цитациі секретныхъ дѣлъ и всеподданнѣйшихъ докладовъ, хранящихся нынѣ какъ въ архивѣ св. синода, такъ и въ канцеляріи оберъ-прокурора, имена учреждений приведены безъ этихъ сокращеній.

Аналогичныя сокращенія допущены и при ссылкахъ на дѣла архивовъ мѣстныхъ цензурныхъ комитетовъ. М. Д. Ц. означаетъ архивъ московской духовной цензуры; СПб. Д. Ц. К., М. Д. Ц. К., Кіев. Д. Ц. К., означаютъ дѣла: с.-петербургскаго, московскаго, кіевскаго духовно-цензурныхъ комитетовъ. Первое изъ стоящихъ за названіемъ учреждений чиселъ обозначаетъ годъ, второе — № дѣла.

При систематическомъ обзорѣнн духовно-цензурныхъ архивовъ, въ частности, при разсмотрѣнн дѣлъ, носящихъ иногда специальное названіе «дѣлъ по сношеніямъ съ комитетами гражданской цензуры», оказалось возможнымъ опредѣлить характерныя черты взаимоотношеній духовной цензуры и существовавшихъ въ то время другихъ развѣтвленій цензурнаго надзора.

Къ числу первоисточниковъ обычно,—и въ извѣстной мѣрѣ справедливо,—относятся и появившіяся въ 1860—70 годахъ официальные изданія, какъ-то: «Сборникъ постановленій и распоряженій по цензурѣ, (СПб., 1862 г.); Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи (1862 г., въ двухъ редакціяхъ 1) тип. морского м-ва и 2) тип. Персона); Матеріалы, собранные особой комиссіей, высочайше учрежденной 2 ноября 1869 г. для пересмотра дѣйствующихъ постановленій о цензурѣ и печати», СПб., 1870 г., ч. I—V «Сборникъ законоположеній и распоряженій по духовной цензурѣ (СПб. 1870 г.)⁴⁾.

Назначенныя первоначально для небольшого круга лицъ, эти изданія, въ общемъ, не извращали описанія событій во имя какой-либо тенденціи. Но съ точки зрѣнія пользы для изслѣдователя относительно этихъ сборниковъ приходится сдѣлать одно замѣчаніе. При всей значительности сгруппированнаго въ нихъ матеріала выступаетъ, однако, и общая ихъ особенность: они составлены для практическихъ надобностей, имѣли прежде всего въ виду дать возможность многочисленнымъ комитетамъ о печати разобраться въ опытѣ прежняго времени.

Правда, составители ихъ не всегда ограничивались механическою выпискою постановленій, распоряженій и законоположеній. Въ ихъ изданіяхъ замѣтно стремленіе связать хотя бы внѣшнимъ образомъ эти дѣйствія правительства съ предыдущими и послѣдующими фактами. Тѣмъ не менѣе, цѣли прагматизма стояли здѣсь далеко на заднемъ планѣ, и потому, представляя собою болѣе или менѣе удобные справочные указатели, эти сборники лишь въ весьма слабой степени облегчаютъ установленіе генезиса событій гражданской и духовной цензуры. Разумѣется, въ настоящей

⁴⁾ Сюда же слѣдуетъ отнести и хранящіяся въ рукописи въ спб. публичной библіотекѣ „Выписки изъ цензурныхъ дѣлъ“ (т. I—IV), которыя весьма охотно воспроизводятся, въ качествѣ первоисточника, даже специальными изслѣдователями гражданской цензуры. Тамъ, подъ рубриками „религія“, и „нравственность“ сгруппировано существенное, основоположительное изъ практики свѣтскихъ цензоровъ въ религіозно-нравственной области.

работѣ, при изученіи и изложеніи «законоположеній и распоряженій по духовной цензурѣ», первоисточниками служили почти исключительно подлинныя дѣла, а не приведенные въ сборникахъ отрывки.

Заканчивая рѣчь объ архивныхъ данныхъ, необходимо указать на то, что послѣдовательное изученіе именно этого матеріала служить главнымъ средствомъ и для его систематизаціи. Именно этимъ путемъ, какъ бы изъ разрозненныхъ костей, возсоздается основной обликъ-скелетъ духовно-цензурнаго режима. Сверхъ того, приложенныя къ канцелярскимъ дѣламъ частныя записки, черновики и варианты цензорскихъ отзывовъ, такъ живо иногда отражающіе душевное настроеніе ихъ составителей,—позволяютъ нерѣдко среди самыхъ официальныхъ данныхъ ощутить уже нѣкоторое движеніе своеобразной жизни.

Однако, этого недостаточно: здѣсь еще не будетъ полноты и цѣлостности живого организма. Чтобы оживотворить «официальную» схему, необходимо привести ее въ возможно тѣсное соотношеніе съ духомъ эпохи, съ общимъ состояніемъ ея культурной—въ данномъ случаѣ культурно-религіозной—жизни. Здѣсь-то выступаетъ на сцену почти неисчерпаемый матеріалъ, заключающійся въ запискахъ современниковъ, письмахъ официальныхъ и частныхъ дѣятелей, монографіяхъ, даже,—по отношенію именно къ цензурѣ,—чуть ли не во всякой книгѣ и рукописи, которая даетъ возможность судить объ уровнѣ умственнаго развитія эпохи и о томъ, что было въ свое время дозволено и запрещено. И только одинъ невосполнимый, повидимому, пробѣлъ приходится ощущать изслѣдователю духовной цензуры при ознакомленіи съ этого рода матеріаломъ.

Историкъ цензуры гражданской, изучая ея судьбы и дѣянія, по крайней мѣрѣ въ николаевскую эпоху, сразу находитъ такія классическія пособія, какъ «Записки и дневникъ» цензора—проф. Никитенко, отчасти Греча, Шишкова, Корфа. Въ дневникѣ Никитенко, напр., онъ находитъ непосредственное отраженіе и вѣяніи высшихъ сферъ, и цензорскихъ коллизій, и авторскихъ страданій,—найдетъ при желаніи и оцѣнку всего этого со стороны здраваго смысла.

Насколько важно и при обзорѣннн учреждений духовнаго вѣдомства имѣть аналогичныя пособія, можно пояснить примѣромъ. Въ то время, какъ «исторія казанской академіи» ожила благодаря дневнику и частной перепискѣ нѣсколькихъ студентовъ, воспроизведеннымъ, правда, перомъ искуснаго историка, исторіи другихъ академій до сихъ поръ остаются сухими перечнями свѣдѣній, расположенныхъ по холоднымъ схемамъ. Но въ этомъ именно отношеніи очень скудно наслѣдство, оставленное дѣяте-

лями духовной цензуры. Последніе, — сознательно или нѣтъ, — считали свою задачу исполненной, оставляя лишь удостовѣренные ихъ подписью протоколы и журналы дней засѣданій. Лишь въ письмахъ немногихъ изъ нихъ раскрыты интимныя стороны «цензурнаго дѣйствованія».

Болѣе или менѣе возмѣстить этотъ пробѣлъ можетъ лишь широта знакомства съ самымъ разнообразнымъ матеріаломъ, разсыяннымъ въ томахъ духовныхъ и свѣтскихъ историческихъ журналовъ. Большинство изъ находящихся въ нихъ очерковъ былого, конечно, слишкомъ далеко отстоятъ по своему содержанію отъ темъ, соприкосновенныхъ съ духовною цензурою. Зато, бываетъ, что именно здѣсь одна или нѣсколько ненарокомъ брошенныхъ фразъ, случайно схваченный эпизодъ является наилучшей, — по наблюдательности, силѣ и выразительности, — характеристикой церковнаго надзора за печатью.

Въ ссылкахъ дальнѣйшаго изложенія названы тѣ печатныя пособія, которыя привлечены для освѣщенія тѣхъ или другихъ сторонъ духовно-цензурнаго надзора. Сопоставленіе содержащихся въ нихъ свидѣтельствъ съ другими историческими данными опредѣляетъ и значеніе ихъ показаній въ отношеніи именно къ настоящей работѣ, — опредѣляетъ ближе, чѣмъ это могъ бы сдѣлать сухой предварительный перечень. Нѣкоторыя предварительныя замѣчанія надлежитъ сдѣлать лишь по отношенію къ тѣмъ трудамъ, которые представляютъ собою опыты специальной разработки матеріаловъ о цензурѣ и поэтому естественно предполагаютъ близкія родственныя отношенія къ данной работѣ.

Когда въ Русской Старинѣ, Русскомъ Архивѣ, Историческомъ Вѣстникѣ и другихъ журналахъ накопилось достаточно матеріаловъ о цензурѣ, А. М. Скабичевскій изложилъ ихъ въ живой литературной обработкѣ на страницахъ Отечественныхъ Записокъ. Статьи эти послужили ядромъ цѣлаго тома Очерковъ исторіи русской цензуры (1700—1863 г.)⁵. Живымъ чередованьемъ въ мѣру серьезнаго и въ мѣру анекдотическаго матеріала, авторитетнымъ тономъ характеристикъ духа того или другого времени, «черски», безспорно, весьма содѣйствовали популяризаціи прошлаго русской цензуры въ широкихъ кругахъ. Что же касается ихъ научнаго значенія, то оно крайне умалывается уже тѣмъ признаніемъ, которое вынудилъ у ихъ автора въ пылу полемики М. Лемке: «И, заявилъ самъ Скабичевскій, вовсе не человѣкъ науки, который могъ бы свободно располагать своимъ временемъ, возвращаться къ прежнимъ работамъ и дѣлать въ нихъ дополненія, измѣненія, словомъ, перерабатывать ихъ сообразно

⁵) СПб., 1892 г.

вновь накопившемуся материалу... Я просто-по-просту скромный труженик-журналист, принужденный работать без оглядки ради насущного хлѣба. До того ли мнѣ было, чтобы снова и снова приниматься за свои «Очерки» по мѣрѣ обнародованія новыхъ и новыхъ матеріаловъ?.. Да, наконецъ, какъ природный журналист, не люблю и не люблю я возвращаться къ старымъ работамъ: онѣ претятъ мнѣ, какъ выплюнутый кусокъ пищи; я и корректуры своихъ отдѣльныхъ изданій читаю не иначе, какъ съ отвращеніемъ»⁶⁾.

Въ виду такого своеобразнаго взгляда на характеръ работы, не удивительно, что не только вновь обнародуемыя данныя, но и просто внимательное отношеніе къ дѣлу въ состояніи вскрывать многія наскоро забытныя трещины въ построеніяхъ Скабичевскаго. Въ частности, это наблюденіе по преимуществу относится къ тѣмъ главамъ «очерковъ», которыя посвящены дѣятельности духовной цензуры. Представляя собою главнымъ образомъ, лишь обстоятельную сводку подробностей самыхъ замѣтныхъ эпизодовъ изъ этой области, эти главы спаяны весьма непрочнымъ цементомъ общихъ сужденій. Лучшимъ подтвержденіемъ можетъ служить та фраза,—точнѣе даже пол-фразы,—гдѣ авторъ, объясняя причины паденія мистицизма, даетъ характеристику партіи ревнителей православія «достопамятнаго 1824 года». «Партія эта, утверждаетъ онъ, представляла собою самую единодушную сплоченность, и представители ея духовные іерархи и дѣйствовавшіе подъ ихъ вліяніемъ нѣкоторые придворные савошники твердо и неуклонно преслѣдовали одну цѣль—низверженіе мистиковъ—безъ малѣйшей розни, колебаній или какихъ нибудь побочныхъ и заднихъ побужденій»⁷⁾. Каждое слово этой тирады если и можно принять, то лишь... cum grano salis,—до того не гармонируетъ сказанное съ существомъ кризиса—верховенствомъ Аракчеева, колебаніями м. Серафима, протестами м. Филарета, пособничествомъ чиновника полиціи Штера, лицемѣріемъ Магницкаго, своеобразнымъ правовѣріемъ Фотія и т. д.

Сверхъ того, интересъ и цѣнность даже эпизодической стороны очерковъ Скабичевскаго въ значительной мѣрѣ понизились съ появленіемъ, «съ высочайшаго соизволенія», въ Русской Старинѣ за 1901, 1903 и 1904 гг. собранныхъ еще въ пятидесятыхъ годахъ комиссіею подъ предѣтельствомъ барона М. А. Корфа матеріаловъ подъ общимъ заглавіемъ: «Цензура въ царствованіе имп. Николая I-го». Напоминая, по группировкѣ матеріала, трудъ Скабичевскаго, этотъ обзоръ, несмотря даже на нѣкото-

⁶⁾ Новости, отъ 25 марта 1903 г., № 83.

⁷⁾ Стр. 191—2.